

Владимир Гоголь

Крестник

Повесть

Владимир Гоголь
Крестник. Повесть

«Издательские решения»

Гоголь В. П.

Крестник. Повесть / В. П. Гоголь — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836674-1

Владимир Гоголь родом из Республики Коми, в полном собрании его сочинений 4 книги. В книгу вторую вошли повести «Крестник», «Жизнь прекрасна!», «Грустная родословная» и «Стритрейсеры».

ISBN 978-5-44-836674-1

© Гоголь В. П.
© Издательские решения

Содержание

Часть первая (вступительная)	7
Часть вторая (трагикомическая)	11
Часть третья (огорчительная)	13
Часть четвертая (идиотская)	15
Часть пятая	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Крестник Повесть Владимир Павлович Гоголь

© Владимир Павлович Гоголь, 2017

Редактор Ольга Васильевна Пашкова

ISBN 978-5-4483-6674-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Владимир Павлович Гоголь

04.06.1951—26.01.2014

Это повествование основано на реальных событиях, которые происходили более десяти лет назад. Некоторые лирические отступления не должны мешать восприятию той действительности, тех реальных фактов и событий. Все это было, всего уже не вернуть. Не так много изменилось что-то в этой жизни и спустя десятилетие. Возможно, это-то и заставило меня записать эту немудреную историю. До сей поры воюем с бандформированиями в той же Чечне, обостряется ситуация с Грузией. Кто следующий?

Сейчас возникают уголовные дела по поводу разворовывания «боевых» – денег, предназначенных для выплаты участникам боев в Чечне. Раньше никто об этом не знал? Что, воруют?

У кого совести хватило на это? У тех же, кто в госпиталях вырезал у молодых, погибших бойцов, жизненно-важные органы и продавал их за бугор, наживая на этом капитал?

А совесть тех, кто снабжал боевиков оружием с наших складов, ГСМ, радиоаппаратурой, новейшими приборами, имеющими оборонное значение? Молчит их совесть!

Кто торговал секретами, информировал боевиков? А кто-то торговал своими бойцами! Да, и такое было!

Деньги! Деньги! Во главу угла – деньги! Любой ценой – деньги!

Огромные суммы денег на восстановление Чечни из нашего бюджета, оторванные от нашей социалки, здравоохранения, да мало ли нужд у страны. Сегодня начинаем строить, завтра бомбить, разрушать. Все! Пропали деньги! А дошли ли они туда? Или украдены на корню, в столице нашей Родины? Еще лет через десять начнутся расследования, кто-то будет на этом карьере делать. А в результате – пшик! Спросить то, не с кого будет в то время.

Разные люди мне попадались на пути. Не хочу всю грязь выносить на страницы. Не заслуживает чистый лист бумаги, сделанный сотнями людей, той грязью облитым быть. И не один я все это видел и знаю.

Я до сих пор благодарен тем людям, которые помогли мне в том турне по России, тем, кто помог в той, непростой ситуации. И пусть останется на совести тех, кто создал эту ситуацию.

Сыктывкар.

2006 г.

Часть первая (вступительная)

Было это в 1995 году. Чеченская кампания в самом разгаре. наших пацанов огромными пачками, толпами, как хотите, но армией это назвать в то время было нельзя, отцы-командиры успешно гробили на полях сражений, в горах, короче, в Чечне. Сколько материнских, отцовских слез пролито, сколько проклятий в адрес наших военных командиров, правительства?! Все упреки были справедливы, это признало правительство государства, когда прекратило поставку молодых жизней в мясорубку той войны. Я все это видел своими глазами в трезвом уме, хотя смотреть на некоторые вещи трезво, в полном смысле слова, было очень тяжело.

Так вот, моего крестника, Андрея, забрали на службу за год, до этих событий. Крепкий, физически развитой юноша, не по годам рассудителен, спокоен, рано остался без отца. Старший мужчина в семье. Мать одиночка, работница детского сада, воспитывавшая двоих пацанов, могла дать им только самое необходимое, и то по самым скромным меркам. Может, поэтому, Андрей рано повзрослел, эдакий мужичок среди своих сверстников. Были ребята в схожих условиях, безотцовщина, бедность, мать на работе и подработках, чтобы как-то прокормить своих чад. Ребята предоставлены сами себе, стая! Так вот, Андрей, невольно общаясь в этой стае, среди бывших одноклассников, соседей, всегда пользовался авторитетом, уважением. Это выражалось в том, что даже ребята, какими то путями попавшие в криминал, не пытались вовлечь, его в свою компанию, не пытались где-то «наехать» на независимость Андрея. Вокруг него всегда было шумно, весело, не каким то комсомольским задором, а простой веселостью села, где нравы еще не такие суровые, как в мегаполисах. Без него мало, что проходило на селе среди молодежи. Симпатичный, спортивного телосложения, гитарист, он был душой любой компании. Для матери был первым помощником, нянькой младшему брату. Девчонки вздыхали так громко, порой, что мать говорила: «Ой, уведут Андрейку девки, окрутят!» – Так и случилось. Женился он до армии. Сыграли свадьбу, через полгода родилась дочка, Сашенька. Стал Андрей домоседом. Работа, дом,

на улицу только с коляской, с женой и дочкой.

Затем армия. Служили тогда срочную полтора года. Андрею повезло, попал служить в нашей республике, в какую-то воинскую часть, которая заготавливала лес для нужд легендарной и непобедимой. Отслужил успешно год, все нормально. Мы ездили, навещали его, посмотрели, как и что в части. Все нормально, по военному, с дисциплиной, порядком. «Дедовщины» никакой, солдатики чистые, ухоженные, сытые.

Оставалось служить ему три месяца, вдруг звонок поздно вечером:

– Меня переводят в Чечню.

– Как, почему, зачем? Тебе нельзя, у тебя семья, ребенок.

– Приказ, утром на поезд.

До части четыреста километров. Конец марта. Выходные. Забираю мать Андрея, садимся в машину и вперед, разбираться.

Дело в том, что его должны были уволить в запас по приказу от февраля месяца. Приказ министра обороны о том, что солдаты срочной службы, имеющие детей в возрасте до трех лет, прослужившие год и более, увольнялись в запас вчистую. Кто не прослужил года, те увольнялись в запас до достижения трехлетнего возраста их детей, а затем призывались дослуживать. Уж с чем это было связано, судить не берусь.

Когда мы узнали об этом приказе, то переговорили с Андреем. Он не захотел демобилизоваться раньше срока. Говорил, что неудобно перед сослуживцами. Да и мы, взрослые, отнеслись к этому как-то спокойно. Там надо было справки собирать, суетиться. Решили, пусть дослуживает полностью. А тут Чечня!

Короче поехали. Не доехали сто верст. Дорога переметена снегом. Узкая центральная полоса, а по краям липкий, тяжелый мартовский снег. Встречный караван рефрижераторов заставил принять вправо, а там снежный плен. «Волга» машина тяжелая, снег плотный, день выходной, тяжелой техники на трассе нет. Просидели часа три, опоздали. Увезли ребят. Удалось выяснить, что направили их сначала в город Чайковский, Пермской области.

Вернулись домой, собрали справки, все заверили в военкомате. Очень помог знакомый, который тогда занимал высокую должность в этих сферах.

Потеряли три дня. В Чайковский отправились на перекладных. Где автобусом, где поездом. Приехали. Оказалось надо еще автобусом пятнадцать верст до военного городка Марково. Делать нечего, едем в Марково. На удивление встретили очень хорошо. Сразу на конечной остановке автобуса всех приехавших гражданских встретил дежурный офицер, объяснил, как пройти в дежурную часть. Там дали направление в гостиницу. Время позднее. Пока поселились, душ, ужин и спать. Дорога на перекладных утомляет.

Утром иду в строевую часть. По дороге встречаю солдат одиночек. В армии это бросается в глаза, в основном все строем. Все, какие-то забитые, кто перевязан, кто на костылях. Снуют между казармами и санчастью.

Здороваются, спрашивают откуда. Земляков ищут. Попадаются и земляки. Радость обобщенная. Спрашиваю про Андрея. Как вовремя!

Говорят, что их рота в тупике, на погрузке техники на платформы.

Очень это мне помогло в дальнейшем.

Прихожу в строевую часть. Сидят девушки-женщины за стойкой, отвечают на вопросы односложно, нехотя. Утомляют их вопросы.

Мне отвечают, что такого в списках нет. Пришлось показать выписку из приказа о командировании такого-то, такого числа именно к ним. Да еще назвать роту, в которой он почти неделю службу несет. Тогда мне отвечают, значит в бегах!!! Вот так фокус! То не поступал в часть, то в бегах. Иду через весь городок в батальон.

Немного о военном городке. Продуманная до мелочей планировка. Новый современный гарнизон со своей социальной структурой. Все с иголочки, сияет на весеннем солнце. Позднее узнал, что городок выстроен турками по программе вывода наших войск из Германии.

Вот и расположение батальона. Кстати, везде пропускают почти беспрепятственно, понимают, что люди приехали не из праздного любопытства. Конечно, кроме штаба дивизии, куда пришлось позднее пробиваться чуть ли не штурмом.

Прошел в расположение и был поражен. Такое прекрасное здание, внутри оказалось натуральным хлевом. Порядком армейским здесь и не пахнет. Вход в казарму не освещен, лестничные марши (бетонные) с разбитыми и отсутствующими ступенями, вместо которых зияют дыры. Это при дневном свете они зияют, а вечером?

Позднее я встретил паренька из Инты, который на этих дырах сломал ногу. Правда, он был очень доволен этой ситуацией, отсрочка поездки в Чечню.

В самой казарме бедлам полнейший, койки в одном углу, матрацы – в другом. Кто спит, кто-то кричит команды, а кто-то суетится, куда-то торопится. У входа в расположение никакого дневального. Перевалочный пункт!

Какие то мужики в форменной одежде поверх свитеров. В казарме курят!!! Мужики эти оказались контрактники-шофера, нанятые в Перми и Чайковском за смешные деньги, сейчас уже не помню, какие тогда и деньги были. Они лихо пропивали свои кровные, вот уж точно, куражились над молодежью, называя их салагами. Хотя, на мой взгляд, салаг там не было. Спросив, где найти комбата, я поднялся на второй этаж. Так, вот здесь: «Командир батальона, в/ч такая то». Захожу. Сразу видно, командир, да и по запаху слышно. Сивушный дух, так Русью пахнет.

Точная копия Евдокимовского героя, каким я его представляю: морда красная, голос зычный, хорошо поставленный. Я сразу не понял, на кого это он так разоряется. Оказалось, что перед ним стоит женщина и солдатик. Да, такого воина солдатом не назовешь.

Если его взять за шиворот и приподнять на пол метра от пола, то сапоги останутся на полу. Такой тщедушный солдатик, с мамой, которая плачущим голосом пытается объяснить солдафону в майорских погонах, что сын у нее один, вырастила его без отца, что сама она инвалид какой-то группы, что она не против службы в рядах доблестной и непобедимой, только за что же в Чечню. Да и какой из него вояка, недомерок!

Оказалось, что и у пьяного майора есть сердце и, по счастью, оно у него было с собой. После получасовой нотации, что все своих хотят «отмазать» от Чечни, а кто Родину защищать будет? У него батальон пал в Грозном, даже один офицер погиб!!! Он, этот бравый майор, приехал за новым пополнением, а не выслушивать какие то бредни про инвалидность, безотцовщину и прочий штатский абсурд. Он сделал великодушный жест рукой и произнес:

– Гуляй мать, прощайся с сыном. Даю вам два часа, и ни минутой больше.

Бедная мамаша пыталась что-то лепетать про то, что в Чечню ее сына не надо, один он, кормилец в старости. Но грозный майор с возгласами: и ни минутой позже, выставил эту жалкую парочку за порог. Затем обвел меня мутным взглядом и спросил:

– Чей папаша?

– Ильченко Андрей, ремрота.

– А хороший у тебя сын, вдруг изменил тон майор. Да и сам как-то приосанился, втянул живот.

Странно это все! В строевой части не знают, где Андрей, а командир батальона нахваливает его. Когда и узнать успел в этой суматохе? Дежурная фраза, – подумалось мне.

Я чуть было ни купился на эти перемены, но, усевшись на стул за своим столом, он опять переменялся. Артист! Передо мной вновь сидел махровый солдафон, местный князек, который вел себя в своей вотчине, как хотел. Мои объяснения выслушал спокойно, в конце только спросил:

– От меня чего хочешь?

– Пропуск в тупик, где погрузка, где Андрей. Заберу его, а то увезете и угробите парня.

– Да нет проблем. Он свое отслужил, так получается. И добавил:

– Хоть одну душу спасешь.

Пропуск с визой майора был у меня в кармане.

Я возвращался через первый этаж казармы. Только я спустился в расположение, как меня обступили земляки. Слушок, что тут «дядька из Сыктывкара», быстро обежал другие подразделения.

Вышли на улицу толпой. Сначала были вопросы, как там, на гражданке, затем просьбы. Просьбы первоначально показались мне очень странными. Передать по возвращению домой, в Сыктывкар, родителям, родственникам письма и записки – это понятно, а вот водительские удостоверения, дипломы фельдшера, санитаря, даже один диплом был зоотехника. На мой, немой вопрос, ребята объяснили, что не хотят умирать, а чеченские снайперы в первую очередь выбивают водителей, не щадят машины с красным крестом. Это они знают точно, со слов сержантов, которые приехали вместе с офицерами за пополнением. В справедливости этих слов мне пришлось убедиться в дальнейшем.

Долго задерживаться я не мог. Мне предстояло путешествие в тупик. Как я не придавал значения тогда, сразу этой мысли, что мелькнула в моей голове: тупик!

Я объяснил ребятам, что буду еще завтра, пусть они напишут, соберут все, что хотели бы передать домой, не забудут написать контактные телефоны, адреса, а завтра я опять приду в казарму и все это заберу для передачи их родным и близким.

Кто-то может сказать, что же ты, мужик, делаешь? Подрываешь мощь нашей армии, помогаешь отлынивать от службы молодому поколению. Ничего такого и в помине не было, и быть не могло. Ребята просто порвали бы права и дипломы, а после службы, кто уцелел, тот восстановил бы их заново. Я избавил их от бюрократической волокиты после службы. И по сей день, считаю, что поступил правильно. Я целый месяц, после возвращения домой, обзванивал все города республики, отвечал на вопросы, на которые я просто не мог ответить. «Как он там? Не похудел? Как питается? Не обижают ли его?»

Что я мог ответить? Я разве помнил, кто есть кто! Приходилось отвечать шаблонно:

– Все у него нормально! Сыт, обут, одет. Когда видел, был весел, шутил. К сожалению, времени у меня было мало, так что подробнее он напишет сам.

Один раз мне ответили, что не напишет. Что его уже привезли в Эжву и похоронили.

Поэтому я так долго не мог дозвониться по этому телефону. А адреса были только деревенские, где телефоны были не у всех.

А еще то, что мне долго пришлось бегать за Андреем по стране.

Часть вторая (трагикомическая)

Хотите, верьте, хотите, нет, но это было на самом деле, я лично наблюдал эту ситуацию. Как все в этой жизни, так и этот случай, для одних был комедией, для других – жуткой трагедией.

КПП №3 – это один из контрольно-пропускных пунктов воинской части, через который на погрузку в эшелоны шла техника. Выглядел этот пункт таким образом: вагончик для воинов, шлагбаум и колея в снегу от большегрузной техники.

Прапорщик, старший наряда, любезно пообещал отправить меня в железнодорожный тупик с первым свободным «Уралом». В вагончике было жарко натоплено, накурено. Я вышел на воздух, закурил. Ожидание не самое лучшее времяпровождение. Изредка проходили небольшие колонны техники, БТР, БРДМ, БМП, танки. Были и одиночки. Но все это было не для меня, штатского. Продолжая ждать, я находился рядом с воином, который поднимал и опускал за веревку шлагбаум. Никаких пропусков, никаких проверок. Завидев технику, двигающуюся со стороны части, он просто поднимал шлагбаум. Никто даже не притормаживал, на войну, маршем!

Днем весеннее солнышко ласково обогрело своими лучами. В вагончик идти не хотелось.

Вдруг на дороге, ведущей к части, со стороны трассы появился «Жигуленок», «копейка», ярко-красного цвета, он, как капля крови, пульсировал на дороге, бочком по широкой колее. Подъехав к шлагбауму, «копейка» истошно засигналила. Затем из нее вышел мужичок и стал кричать на воина, чтобы тот поднял шлагбаум и пропустил его. На шум из вагончика вышел прапорщик. Выслушал претензии мужика, объяснил, что это воинская часть, а не проходной двор. Что на машине въезд на территорию части воспрещен. Мужик стал кричать, что он едет к командиру части, что его там ждут, что судьба прапорщика в его руках и т. д. и т. п. Прапорщик все это выслушал, попросил убрать машину с дороги и пройти в вагончик, где есть телефон, позвонить командиру. И, если будет приказ командира пропустить мужика вместе с машиной, он его исполнит.

Мужик сел в машину и очень нервно стал вырывать из колеи. Кое-как развернув машину, он попятился с дороги и примостил свою родную «копейку» задом в сугроб. Затем прошел в вагончик.

Буквально через минуту со стороны части показался танк. Воин отпустил веревочку, шлагбаум мгновенно распахнулся и танк, не снижая скорости, пошел на погрузку. Перед нами с воином предстала картина без названия: передок «копейки», по самое стекло был вмят в снег. Это было месиво из масла, тосола и кислоты. Колеса блинами чернели в снегу. Танкист просто не заметил в снежной круговерти машины с правой стороны от себя. Он ориентировался на шлагбаум, на часового. А эту жестянку он даже не почувствовал. Удивительно одно, как он не зацепил ее за собой, не потащил по дороге. Просто вмял ее передок в мартовский снег, и укатил.

В это время из вагончика выходит мужик, видит такую картину и бегом за танком, который немного сбросил скорость перед выездом на трассу. При этом мужик на ходу вытащил пистолет, и давай палить в воздух. Да, разве в танке, при движении слышны пистолетные выстрелы, конечно нет. Танк вырвался на трассу и, уже полным ходом, двинул дальше. Но выстрелы хорошо слышали в вагончике. Оттуда высыпал весь караул, во главе с прапорщиком, с оружием на боевом взводе, положили мужика в снег личиком. Затем только разобрались, что мужик – майор милиции, что оружие у него табельное. После этого обратили внимание на то, что осталось от «копейки». Вдруг задняя дверь «копейки» открывается, оттуда выходит дедок, изрядно выпивший и, обращаясь к майору милиции:

– Саша, а что случилось?

С майором чуть не истерика.

– Папа, я, в этой суматохе, совсем о тебе забыл.

Дедок был на волоске от смерти! Зацепись машинешка за траки танка, кувыркалась бы следом за ним, а то и еще раз попала бы под гусеницы. От деда осталось бы меньше, чем от двигателя и аккумулятора «копейки». Он осознает это позже, протрезвеет и страху изведает.

Мент засыпал вопросами прапорщика, что за танк, номер, где найти.

На что был однозначный ответ:

– На войне, милоч, на войне.

Тот снова звонил командиру части, грозил, ругался. Обещал всех пересажать в тюрьму, затем выдохся. Определил отца на временный постой к караулу в вагончик, а сам пешком отправился к высокому начальству за правдой.

А правда была простой: машина находилась за территорией части, танк вместе с водителем уходил на войну и возвращать его никто не собирался. Попудрят мозги немного этому майору, но толку никакого он не добьется. Нечего ставить машину на пути боевой техники. Она, эта техника, мощная, не на такие подвиги способная.

Прапорщик, машина которого, такая же «копейка», только другого цвета, стояла по эту сторону шлагбаума, хоть и в стороне, приказал двум солдатикам углубить «капонир» в снегу, а затем отъехал в это углубление со словами:

– Наши военные водители еще и не так могут.

Вскоре подъехал попутный «Урал», который и доставил меня в «тупик».

Часть третья (огорчительная)

Железнодорожный тупик, товарная станция, часть всего движущегося механизма железной дороги, тщательно охраняемый военный объект. Это – место скопления беззащитной техники, часть которой, связанная километрами «катанки», подпертая под колеса и гусеницы бревнами, с минимальным запасом горючего, без боекомплекта, стоящая на платформах, часть продолжает грузно заползать на платформы. Вот лакомый кусок для террористов, диверсантов и прочей нечисти. Поэтому появление штатского на территории сразу привлекло внимание караула. Правда, все вежливо, но сурово, без показухи. Проверили документы, спросили, зачем пожаловал. Пропуск красномордого комбата трепета не вызвал. С большим уважением отнеслись к поводу моего появления, да и путь, мной проделанный, вызвал возгласы изумления.

Старший караульного наряда, лейтенант, выделил мне в сопровождение солдата, не из уважения к моей персоне, а для того, чтобы я не шастал где ни попадя. Благодаря этому солдату, мне не пришлось долго разыскивать роту, в которой числился Андрей. Сдав меня с рук на руки командиру роты, солдатик, стрельнув у меня сигарету, растворился во тьме. Да, пока я сюда добирался, день закончился, а тьма усугублялась прожекторами, что освещали составы.

Командир ремонтной роты старший лейтенант Брежнев, (жив ли, если жив, дай Бог ему здоровья и успехов по службе!), измотанный, уставший парень, лет двадцати семи. Спокойный, в меру доброжелательный. Узнав, зачем, вернее, за кем я приехал, очень расстроился, что я не застал его. Да, Андрей, в его роте. Двое суток пахал на погрузке, а сейчас уехал в расположение батальона, для погрузки штабного имущества на машины и доставки сюда в тупик. Дело в том, что параллельно составу с техникой, стоит эшелон под личный состав, который завтра отправляется по маршруту. Старлей хорошо отозвался об Андрее, хотя всего неделя, как тот к ним прибыл. У старлея тоже молодая жена и дочь. Может, поэтому он и выделил нашего Андрея из общей массы, а может потому, что тот не любил «сачковать», да и другим «сачкам» мог мозги вправить.

Со слов старлея, Андрей, с остальными членами погрузочной команды, должен прибыть сюда утром. Старлей еще пожаловался, что сам он не успевает заскочить домой, проститься с семьей, поэтому он просил Андрея зайти и забрать его походную сумку.

Этот молодой парень уже воевал, месяц назад вернулся из Грозного. Едет в третий раз. На вопросы типа, как там, отвечал односложно: г... но! По поводу моей проблемы сказал однозначно, забирай, пусть у его дочки будет отец. Даже документы не стал смотреть. То ли, на столько уставший, то ли, понимал, что по пустякам, такие концы дорожные никто делать не будет. Оставалась проблема, как это осуществить, как встретиться с Андреем?

Мне оставаться на территории товарной станции нельзя. На улице к ночи подмораживало, да и караулы сменялись, могли быть неприятности. Одно дело кратковременный визит с определенной и понятной целью, другое дело бесцельное болтание по станции, где идет погрузка военной техники для отправки на войну. О том, чтобы войти в вагон, предназначенный для отправки личного состава, и речи не могло быть. Старлей заходил в него с предъявлением командировочного удостоверения. Единственное, что мог он, незабвенный офицер российской армии, старший лейтенант Брежнев, отправить меня обратно в городок Марково на попутной машине. Что он и сделал. На прощание просил передавать привет Андрею, да просил, чтобы тот не забыл на радостях про его походную сумку. Я пожелал этому чудному, сразу ставшим мне симпатичным, парню, одно единственное: вернуться домой, к семье, здоровым и невредимым. Не знаю, выполнил ли он мой наказ.

На могушем «Урале», с зампотехом части, майором, я поехал в Марково, так и не встретив Андрея. Что ж, отрицательный результат, тоже результат. Срочность погрузки и отправки

настораживала, серьезные дела затевались на Кавказе. Такие силы формируют и направляют в этот регион. Многие там останутся, в этой разгорающейся точке.

В теплой кабине «Урала» я, незаметно для себя, задремал.

Часть четвертая (идиотская)

Проснулся я оттого, что прекратились, ставшие уже привычными, потряхивания, покачивания. Мы стояли. Мотор «Урала мерно урчал. Впереди никакого препятствия не видно. На плече у меня мирно дремал майор. Я спросил водителя, что случилось. Вместо ответа, он, на несколько секунд, включил дальний свет. В свете фар мелькали люди, что-то громоздкое перегораживало дорогу. Присмотревшись в казавшуюся темноту, я увидел, что почти поперек дороги, да еще частично в кювете, лежит какая-то техника. Водитель пояснил, что это роторный экскаватор для рытья траншей. Как он умудрился съехать с дороги и перевернуться, непонятно. Солдаты под командой офицера, звание которого было не разглядеть, пытались опутать эту машину толстыми, в руку толщиной, танковыми тросами. Неподалеку стоял танк, методично попукивая дизелем.

Зампотех проснулся, зевнул, углядел эту картину перед нами и со словами, известными всему миру с нашей подачи, стал перелезать через меня из кабины. Через минуту перед ним стоял с опущенной головой водитель этой чудо техники. А он продолжал изощряться в своем, видимо очень привычном, лексиконе. Но от этого техника не поднялась, не вытащила свое могучее тело из снежного кювета.

Мне, почему-то сразу вспомнились армейские мозоли от шанцевого инструмента БСЛ—110, МСЛ—50, что означает – большая саперная лопата длиной 110 сантиметров и, соответственно, малая саперная лопата длиной 50 сантиметров. У нас ходила присказка: «Два солдата из стройбата заменяют экскаватор, а один погрансолдат, заменяет весь стройбат!». Те, кто служил на границе, знают, что вышеуказанный инструмент является неотъемлемой частью службы.

Так что, полезность этой чудо машины в условиях войны очевидна и неопенима.

Тем временем солдатам удалось опутать этого «мамонта» тросами. В дело вступил танковый экипаж. Взревел дизель, мощная машина натянула тросы и, как мне показалось, легко поставила на ноги «мамонта». Опять засуетились солдаты, заматерился зампотех, и, в результате этих титанических усилий, «мамонт» был водворен на дорогу все тем же танком. Еще полчаса ушло на проверку этого чудовища на предмет самостоятельной жизнеспособности, на урон, понесенный во время падения.

– Ладно, на войну едем, не на парад, – сделал заключение зампотех.

Машина экскаватора, в сопровождении танка, прогремела в сторону станции. Это быстро сказка сказывается, а на самом деле это длилось часа три, а то и больше. Уже давно стояла глубокая морозная апрельская ночь.

Да, март закончился. Первое апреля, день смеха. Тому милицейскому майору не до смеха, – подумалось мне, – лишился своих, пусть и немудрящих, колес, средства передвижения. Я по дороге рассказал об этом зампотеху. Он посмеялся, обозвал майора придурком. Объяснил, что подготовка водителей оставляет желать лучшего. Курсы, практики вождения тяжелой техники почти нет, вот и резвятся, как могут. Танкисты тоже подготовлены слабо из-за отсутствия достаточного количества горючего в учебных подразделениях. На тренажерах хорошего водителя не подготовишь. Все же танк – это не трактор. Что успеют накатать в Тоцком, то и будет их опытом, подготовкой.

Кума меня потеряла, подумалось мне. Сидит в гостинице, поглядывает в окошко, не спит, ждет. Ждет вестей о сыне, или самого его, самого любимого, дорогого ей человека. Терзает сердце свое материнское неизвестностью. У нее хоть надежда есть, а, сколько таких матерей по России, которым остается уповать на волю божью, которые срочно в Бога уверовали, по церквям ходят, молитвы читают да свечи зажигают за здоровье сынов своих.

А кто уже и за упокой ставит в горе своем!

Во время езды я опять задремал, сразу за майором, который время не терял зря. Досталось мужику, не позавидуешь. Вот служба собачья. Технику гробит всяк, кому не лень, а в готовности содержит он, он за все это мракобесие отвечает.

Проснулся я оттого, что мы стояли. Даже двигатель «Урала» молчал. Открыв глаза, я все понял сам, без лишних вопросов. Мы стояли, прижавшись к обочине, а навстречу нам двигалась колонна «Уралов», крытых брезентом.

Рассветало. Колонне, как казалось, не было конца. Это везли на станцию личный состав полка, отправляемого в Чечню. Я с ужасом понял, что сейчас в этой колонне мимо меня проезжает Андрей. Может, дремлет мирно на сиденье, какого то из этих «Уралов» и не знает, что мы с матерью здесь, рядом. Что по всем документам он уже почти гражданский человек. Остановить колонну, найти Андрея, – мелькнула мысль. Кто мне это позволит! Скажи спасибо, что в тупик отправили, обратно посадили в попутку и везут.

Рядом с нашим «Уралом» стоял регулировщик, опоясанный белой португеей, с красным флажком и полосатым жезлом в руках. Видимо он и приказал нам прижаться к обочине. Я вышел из машины, подошел к регулировщику, поздоровался, угостил его сигаретой. Начал разговор, откуда, какого призыва и так далее. Сразу и не сообразил, что эти вопросы могут показаться странными, здесь, где одни военные, и вдруг штатский человек, да еще такой любопытный. Спohватившись, я просто объяснил ситуацию, попросил по прибытии на станцию найти моего крестника или старшего лейтенанта Брежнева, командира ремроты. Объяснить, что мы в гостинице в Марково, что все документы на увольнение в запас Андрея у нас с собой. Все законно, без дураков. Парень пообещал сделать все как надо.

Не знаю, что произошло на станции при погрузке, но Андрея мы так и не дождались. Видимо в суматохе погрузки и отправки эшелонов, было не до него. Кто он? Винтик в этой военной махине! Кого волнует судьба рядового, когда вокруг такой бардак? Непонятно, как все-таки вообще что-то делалось, как техника работала! В тот день Андрей с эшелонном отбыл в Тоцкое. Странное стечение обстоятельств. Он там родился. Это место рождения стоит в его паспорте. Нехорошее предчувствие впервые закралось и укоренилось в моем сознании.

Колонна прошла. Мы благополучно добрались до Маркова. В гостинице, как я и ожидал, не сомкнула глаз всю ночь кума. Когда она узнала, что Андрей был рядом, что я разминулся с ним дважды, с ней приключился ступор. Она не могла ни о чем больше говорить, думать, все время повторяла, где родился, там и убьют! Если бы плакала, выла, я думаю, было бы легче. Нет, вот так, не обращая внимания ни на что, повторяла одно и то же. Меня то же разбирала злость на нелепость ситуации. С утра сходил в строевую часть, еще раз показал все документы, просил связаться с эшелонном, чтобы Андрея ссадили, где ни будь по дороге, на любой станции, только чтобы сообщили на какой. Надо мной только что в открытую не посмеялись. Это воинская часть, а не переговорный пункт. Вот будет приказ об увольнении в запас, тогда и приходите. Штатских на войну мы не посылаем, так мне объяснили эти «милые» дамочки.

Поход в штаб дивизии тоже ничего, кроме нервотрепки, не дал. Ответ тот же. Нужен приказ об увольнении в запас.

Я долго не мог понять, что они хотят. Я сам давно в запасе. Я точно помню, что последняя моя служебная запись в военном билете подписана командиром части. Кто же издаст приказ в этом случае?

Единственное, что мне посоветовали, это съездить в «С», в штаб округа, где есть все полномочия для решения этого вопроса, а затем в Тоцкое, и там уже забирать своего крестника.

Прошел в батальон, в надежде найти земляков, ведь я им обещал забрать письма, документы для передачи родным.

В расположении батальона царил хаос еще больший, чем накануне. Койки, тумбочки, матрацы, все это отсутствовало, что делало казарму голой, сиротливой. На полу, когда то тщательно натираемом, паркетном, валялись окурки, фантики от конфет, печенья, пустые бутылки

из-под водки, вина, пива, минералки и прочий мусор. Назвать это место воинской казармой, расположением воинского подразделения, язык не поворачивался.

Погуляли!

В углу, на полу, сидели два солдатика. Один из них в одном сапоге, вторая нога была забинтована. Это и был тот парень из Инты, который сломал ногу на лестничном марше казармы. Он очень обрадовался моему приходу. Сказал, что уже перестал надеяться, думал, что мы уже уехали. А он уже растерялся, что делать со всеми теми письмами и документами, что ему оставили земляки, уехавшие в Чечню. Все это было у него в медсанчасти, где он в данный момент должен был находиться. В казарму пришел после завтрака в надежде на мой приход. Дождался, чем был чрезвычайно доволен.

Грешен я перед воинским уставом и военной дисциплиной. Угостил ребят сигаретами и сам закурил. Это в казарме то! Пусть времена моей службы давно минули, но чувство, какого то святотатства кольнуло меня.

Отправились в медсанчасть. Шли медленно, не спеша. Куда хромоту солдату спешить? По дороге болтали о том, о сем, но все сворачивалось на тему войны, будь она проклята!

Врач медсанчасти, миловидная женщина, в белом халате, встретив нас на входе, пожурела воина за то, что ходит по скользкой дороге. Но пожурила так, для порядка, не зло и обидно, а скорее по-матерински. Мне войти было не позволено – стерильность! Но мой земляк особо не задержался, вскоре вышел с объемным пакетом, который и протянул мне со словами:

– Все здесь.

Пакет был не только объемным, но и увесистым. Меня вдруг взяло сомнение, когда я все это доведу до адресатов. Вон как все обворачивалось. «С», Тоцкое, это время, и немалое. Но потом понял, это все равно быстрее, чем ребята вернуться со службы, с этой треклятой войны. Дай Бог, чтобы вернулись целыми и здоровыми!

Попрощался с земляком, пожелал скорейшего выздоровления, потом сообразил, что говорю что-то не то. Выздоровление для него означало отправку в Чечню. Не особо рвались туда солдатика. Свеж в памяти у всех Афганистан. Живое напоминание о нем, это те, кто вернулся оттуда. Кто не калека физический, у того душа искалечена. Реабилитируются водкой, наркотой, к которой там и пристрастились. А сколько их по погостам схоронено, привезенных в цинковых гробах и сданных местным военкомам. И опять война! Бессмысленная, злая, страшная! Да, обычные слова сочувствия тут не проходили, тут был свой скрытый смысл, двойное дно, за которым скрывались жизнь и смерть.

Часть пятая

Нет, ужасная эта часть не с самого начала. Наоборот, сначала все было хорошо, что даже не насторожило. Казалось, кончилась черная полоса фатального невезения, приоткрылась полоска белой, везучей полосы.

Из Маркова до «С» добрались без приключений. В дороге я отсыпался, все-таки бессонные двое суток сказывались. Хорошо, что мне дали адрес штаба округа, а то искал бы я это учреждение до посинения. Все как положено, на входе часовой, который вызвал дежурного офицера в звании майора. Майор мельком просмотрел наши бумаги, спросил паспорта, распорядился выписать пропуск. Пропуск разрешил только один. Было решено, что пойду я, а кума посидит внизу, в холле на диванчике.

В отделе по личному составу просмотрели все документы гораздо тщательнее, чем дежурный майор внизу. Попросили оставить все бумаги и завтра приходите за ответом. Меня это немного насторожило, но выбора не было. Не было в то время ксероксов на каждом углу, чтобы снять копии с документов. В утешение мне заказали пропуск на следующий день.

Спустился вниз, в холл, где на диванчике дежурный майор любезничал с кумой. Хитрован, вот почему один пропуск выписал. Сразу углядел все прелести красавицы.

Распрощавшись с галантным кавалером, вышли на улицу, нашли какую-то кафешку, где пообедали и, после короткого совещания, приняли решение оправить куму домой, а мне продолжать поиски.

Денег оставалось не так много, путешествие вдвоем – дорогое удовольствие. Сколько это продлится, неизвестно. Да и устала бедная женщина от этих переездов. И проку в ее присутствии было немного. Даже наоборот. Везде мужики, порой мат стеной. Зачем это ей. Вечером проводил ее на поезд до Москвы, где она собиралась по пути навестить родственников, отдохнуть там пару дней, а затем домой. Я пообещал звонить при любой возможности.

Взял у нее адреса знакомых и родственников в Тоцком, откуда она родом, чтобы было, где остановиться. На этом и распрощались.

Переночевал я на вокзале, в целях экономии. Довольно спокойно.

Пару раз подходил наряд милиции, проверял документы. Дремал в полглаза. Утром умылся, побрился в вокзальном туалете, куда уже добралась кооперативная цивилизация, позавтракал в станционном буфете. Чтобы как-то скоротать время до визита в штаб округа, взял несколько газет, полистал, почеркал кроссворды. Время тянулось медленно. Для себя определил маршрут до Тоцкого, расписание, стоимость билета, время в пути. Поболтался по вокзалу, поглядывая на часы. Все, пора ехать за ответом. Каким он будет? Вроде все справки собрали правильно, а вдруг! Придешь, а тебе скажут, не хватает справки, что он в детстве переболел коклюшем или свинкой. Или еще какой-нибудь хренотени. От наших чиновников всего можно ожидать.

Короче говоря, приехал я к зданию штаба округа, а меня бьет мелкая дрожь. Мандраж во всей красе. Что делать? А что мы, русские мужики можем в такой ситуации придумать? Правильно! Надо остограммитесь и все пучком. Благо на дворе не развитой социализм, а зачатки бандитской демократии, все разрешено, что пока еще не запретили. Торговля спиртным – круглосуточно, и это в России-матушке!

Задумано, исполнено. Сто грамм напитка под названием коньяк, этот тандем из двух вьючных животных, даже отдаленно не напоминал натуральный благородный напиток. Так, спирт с чаем средней паршивости. Бутерброд, сигарета и через десять минут чувствую себя человеком. Вперед! На штаб!

На удивление все прошло гладко, и пропуск был готов на мое имя, и документ, именуемый приказ-предписание о том, что такой-то, сякой увольняется в запас согласно тому-то

и тому-то закону, такой-то статье. Подписи, печать, все, как положено. Зря, выходит, я волновался и эту дрянь пил. Да, черт с ним! Переварим. Крестьянское брюхо и долото переварит, только попади туда.

Государственная бумага с подписями высоких чинов и печатью придает уверенности в том, что остальное – дело техники. Мне сказали, что этот же приказ ушел в часть, что я могу возвращаться домой и ждать Андрея там.

Нет уж! Что-то вся эта срочность мне не нравится. Не все так гладко в армии, как считают штабные. Надо ехать! Даже если разминусь, и его отправят домой, он не пройдет мимо своих родственников в Тоцком. Узнаю об этом и вернусь. А сейчас задача ясная, добраться до полигона в Тоцком, найти Андрея, и на законных основаниях забрать его домой, в семью. Выполнять!

Невольно начинаешь мыслить короткими фразами, резкими, как приказ. Еще бы, столько времени среди военных.

На вокзал, билет в плацкартный вагон до Оренбурга на ближайший поезд. В оставшееся время прикупаю малую толику снеди в дорогу, питья, сигарет. Все, как обычно перед отъездом. Наконец-то вагон, верхняя полка, постель. Умылся, сполоснул разопревшие ноги, и спать, спать, спать! Еще не знаю, когда придется в следующий раз спать в постели. Неизвестность, первый раз по этому маршруту. В другой ситуации сидел бы у вагонного окна и взирал на мелькающие мимо пейзажи, а сейчас не до того. Глаза слипаются, и сон окутывает меня с ног до головы сначала серой дымкой, а затем глубокий провал. Под мерное покачивание поезда спится прекрасно. Да еще после ночи, проведенной на вокзале, в сидячей позе, в полудреме. Да что это объяснять, многим знакомая ситуация. Дороги, путешествия, все это хорошо по своей, по доброй воле, в отпуск, в хорошую командировку, а не так, как я, как заяц от лисы – петлями по России. Да и цель этой поездки, мягко говоря, с душком. Что ж я не понимаю, глядя на ребят, у которых нет оснований для отмазки от этой войны, что им предстоит, все ли вернутся домой, а кто и вернется, то, возможно покалеченный, раненый, контуженый, а уж с нарушением психики – каждый второй. Первое время будут рады, что выбрались из этого пекла, из этого огня. А потом эйфория проходит, начинаются трезвые будни. С их болячками, как телесными, так и душевными. Да еще сознание того, что никому ты не нужен в этой стране, за которую кровь проливал, свою, чужую, какая разница. Тебя призвали, не обучили толком, отправили в эту мясорубку, выжил, радуйся. Что? Протез поудобней, а где его взять? Наши, времен Очакова и покоренья Крыма, Отечественной Войны 1812 года не хочешь?! А ты знаешь, сколько стоит нормальный протез, которым можно пользоваться безболезненно, да еще себя обслуживать, а может, даже работать? Есть немецкие, да за немецкие же деньги. Ты вместе со своей деревней столько не стоишь. Так что ковыляй, на чем есть. А те, кто в танках горел. С ожогами лица, тела. Те, вообще гнили заживо и умирали в страшных мучениях. Негласный приказ: строгий учет обезболивающих наркотических препаратов. А челюстно-лицевые, когда парень в двадцать лет становился уродом, возвращался в родное село, где его ждала девушка, которую он любил первой трепетной любовью юноши, которая при виде его лица падает в истерике, да и не мудрено, если мать родная не сразу признает сына, свою кровиночку. Для этого она его растила, холила, лелеяла, уму-разуму учила, надеялась, что в старости не даст с голоду пропасть, прокормит и обиходит. А сейчас, кому он нужен в свои двадцать с небольшим лет. Без специальности, инвалид, обреченный существовать на нищенскую пенсию, которую не жалко бросить в рожу тем государственным деятелям, политикам, министрам, президенту, за то, что исковеркали молодую жизнь, испоганили судьбу. Мало досталось этому пареньку, так ему еще предстоит испытание – любимая выйдет замуж за другого, будет жить рядом, в одном селе, в одной деревне, у него на глазах будет рожать детей. Ни ему, ни ее новой семье деваться некуда, так и будут жить бок о бок. Одна с чувством вины, другой озлобившийся на судьбу. Несправедливость сквозь всю жизнь, не красной чертой, а кровавой пеленой.

Сколько ждет такая судьба? Многих! Они, это племя молодое, нужны лишь для того, чтобы прикрывать задницы политиков, заигравшихся судьбами людей, народов, стран и континентов. А затем на свалку истории в свои молодые годы, в отходы, в наркоманы, в уголовщину, в пьяницы. Мало кто выдерживает последствия войны. Человек не рожден для убийства в своей массе по природе, а когда приходится это делать, да еще по приказу, да под удобоваримым соусом, можно и привыкнуть, давая себе поблажку.

Это маленькое отступление от повествования, это попытка объяснить, что не с легким сердцем и чистой, незапятнанной совестью ехал я по следам Андрея. Мучил меня червячок сомнения, что не все так просто, не все так справедливо, пусть и законно. Поделиться, развеять эти сомнения, было не с кем. При куме и мыслить на эту тему было опасно, обязательно бы почувствовала. Ей и так досталось, а что там впереди, один Бог ведает.

Итак, что это со мной, сон не сон, оказывается, проснулся и размышляю лежа на своей полке. Встаю, выхожу в тамбур покурить. Смотрю на часы, час ночи. Недурно придавил подушку.

В тамбуре стоит мужчина, сосредоточенно курит, вглядываясь в темноту за окном. На вопрос где едем, неопределенно пожал плечами. Затем зло ответил, что, не все ли равно. Где надо, проводница высадит, дальше не повезет. Да, настроение у мужика явно в миноре. Перегаром вроде не пахнет, злые бывают непохмеленные, усталые и голодные мужики, остальные россияне добрые-предобрые, пока их не зацепишь чем-нибудь. А этого кто-то здорово зацепил. То и нервничает, вторую подряд закуривает. Постояли, молча покурили. Вдруг мужчина повернулся ко мне и спрашивает, да так, что как будто в воду с вышки нырнуть решился:

– Выпить хочешь?

И затем без паузы продолжил:

– Понимаешь, на душе муторно, а один пить не привык, а мне сейчас надо выпить, немного, но надо. Будь другом, составь компанию, ты, вроде, на язвенника не похож.

Я начал отнекиваться, неудобно вроде, в дороге, да и спиртного у меня нет, а на халяву привычки нет.

Мужчина отмел все мои доводы. Прошли в вагон. Пассажиры мирно спали. Проход освещался ночным освещением. Место мужчины было на нижней боковой полке. Постели не было, ложиться спать он не собирался. Я сходил к своему месту, достал ту немудрящую снедь, что брал в «С» в дорогу и подсел напротив мужика. Познакомились. Представился он, как выстрелил, коротко:

– Сергей.

А по отчеству, спросил я.

– Просто Сергей, выстрелил нервный попутчик.

Выпили из стаканов с подстаканниками, закусили. У меня разыгрался аппетит, немудрено, столько проспал.

Сергей, заметив это, только махнул рукой:

– Ты ешь, не смотри на меня, у меня сейчас с аппетитом плохо. И добавил:

– Вот со злостью, все в порядке.

Выпили еще. Видно было, что пьяницей Сергея назвать нельзя. Пил он как-то равнодушно, цедил маленькими глотками, как по необходимости, деловито. Аппетита это ему не добавило. Пожевал ломтик сыра и уставился в окно. Видимо таким образом проявляя свою деликатность, давая возможность мне закусить. Нервно достал из кармана пиджака пачку сигарет, повертел ее в руке, положил на столик.

Я не утерпел, спросил:

– Сергей, что-то случилось? Ты весь, как на шарнирах.

Он, как бы ожидая этого вопроса, резко выдохнул и начал свой рассказ.

Рассказ, повествование, былина, как ни назови, все одно, горькая правда, этой немудрящей, непутовой жизни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.